

Игорь Шестков "Сороконожка"

СОРОКОНОЖКА

Спорил тут недавно с одним новоприбывшим в русском магазине, доказывал с неуместным жаром очевидное. Орал даже: Ваше паршивое государство ничего не производит, кроме коррупции, подлости и мертвечины.

А мой собеседник мне ответил тихо, но убедительно: Ну зачем же так обобщать?

Я вот недавно купил прекрасный бинокль. Отечественный. Между прочим, дешевле ваших, немецких! И лучше! Не скудеет наша земля на мастеров!

Это был удар ниже пояса, потому что я с детства обожаю бинокли и вообще всяческую оптику. С того самого времени, когда моя бабушка Алиса, чтобы не отправлять чувствительного мальчика в советский детский сад, брала меня с собой на работу в обсерваторию института им. Штернберга, и мне было там разрешено возиться с бракованными линзами, оправками, зеркалами, призмами и прочим оптическим хламом.

Лишних людей тянет как известно на покупку ненужных вещей. Поэтому я тоже купил русский бинокль. Мэйд ин Красногорск. 20 x 60. Это значит, увеличение – двадцать раз, а диаметр объективов – шесть сантиметров. Могучая машина.

Нашел в интернетном каталоге это замечательное российское изделие, заказал и получил после трехнедельного ожидания (наверное на гоголевской тройке везли). Сорок евро всего! Даром взял.

Посылку сразу открывать не стал. Освобождение покупки от упаковки – сакральное действие, сравнимое с раздеванием невесты в первую брачную ночь.

Поэтому я вынул бинокль из футляра только поздним вечером...

торжественно... не спеша... хотя ужасно хотелось посмотреть на Луну в полнолуние... полюбоваться на кратеры, повить и помечтать. Смотреть в бинокль сразу не стал... гладил его шершавую кожу, глядел в отсвечивающие оранжевым линзы, как любимой в глаза.

Вечер был чудный...

Аромат сирени перебивал вонь от выхлопных газов.

Лимонно-желтая Луна поднялась на юго-востоке, как раз за местной свалкой, и залила Марцан таким волшебным светом, что ужасная его архитектура начала напоминать что-то древнеегипетское или месопотамское. Зиккураты, пирамиды, ворота Иштар, висячие сады Семирамиды...

Душа моя затрепетала.

Я устроился поудобнее в кресле, взял наконец в руки тяжелый, ностальгически пахнущий рабочим классом бинокль и жадно навел его на Луну. Хотел побродить по «пыльным тропинкам». Погоняться за лунатиками. Поискать американский флаг, оставленный «Аполлоном».

Посмотрел... и тут же проклял Россию и собственную глупость. Как ни крутил настройку резкости, как ни пытался скомпенсировать разницу моих глаз правым окуляром... в бинокль я видел две квадратные Луны, окруженные розовой помадой.

Оптические оси не параллельны! Аберрация зверская! Кошмар! К тому же обе Луны были маленькие, явно меньше тех, которые я когда-то наблюдал в восьмикратный цейсовский бинокль, сгинувший много лет назад, как и все остальное мое барахло в оставленной на попечение друзей московской квартире. Кратеров видно не было...

Луна в русский бинокль напоминала изъеденную червями задницу. Ярости моей не было предела. Больше всего я хотел разбить этот путинский бинокль молотком. Но опасался пораниться о стеклянные осколки. Поэтому смиренно запаковал изделие красногорских мастеров в родную упаковку и на следующий день отправил его на указанный в сопроводительной бумажке обратный адрес... берлинский, как ни странно. А через два месяца даже получил мои сорок евро. После нудной и унижительной переписки с изготовителем и продавцом.

Гнусное впечатление от бракованного продукта с бывшей родины я решил немедленно нейтрализовать покупкой западного бинокля. Заказал и через два дня получил бинокль Никон. Об этом инструменте я написал бы поэму, если бы был поэтом. До того он хорош. Изображение четкое, светлое... Потрясающая ясность... и Луну я в него рассматривал неоднократно, и Юпитер, и Млечный путь, и летающие тарелки, парящие в голубом океане над Берлином, видел, и лица прохожих наблюдал как под микроскопом, и даже картины в Берлинской

Картинной галерее, когда я смотрел на них через Никон, выглядели лучше, чем оригиналы...

...

Однажды сидел я на своем балконе на девятом этаже и рассматривал дом напротив. Днем. Ничего особенного я увидеть не ожидал, так... смотрел просто на бетонные стены и окна.

Приобщался тупости отвеса.

Учился у мертвой материи – кротости и верности функции.

Ласточки то и дело секли поле зрения своими черными хвостиками, неторопливо пролетали вороны, весело и быстро – воробьи и еще какие-то птахи. Тополя махали своими зелеными руками и мешали смотреть. Бабочки суетились.

Шмели...

И вдруг увидел, и тоже на девятом этаже, только не на балконе, там балконов нет, а просто в окошке каком-то, настезь открытом, человека, смотрящего в бинокль. Чем-то он был на меня похож. Старый, лысый, толстый. Сидел на стуле у окна и смотрел на мир. Вроде из наших. И кажется такой же... одинокий и потерянный.

И он меня заметил. Минуты две мы друг друга рассматривали, а потом он мне рукой помахал. Приветственно. А я – ему. На том и кончилось наше первое воздушное общение.

С тех пор я его часто видел. Почти каждый день. После обеда я всегда сажусь в кресло на балконе. Читаю несколько минут. Потом беру в руки бинокль. И наблюдаю жизнь, из которой меня несколько лет назад выкинуло. Смотрю туда... на него. А он уже смотрит на меня. Мы друг друга приветствуем. Я отдаю ему честь, а он показывает пальцем на лысину. Я догадываюсь – это значит «к пустой голове руку не прикладывают». Но не обижаюсь, а киваю, что означает «да, голова пустая, но еще кое что соображаю» и показываю на него пальцем («и ты тоже»). Он понимает и кивает в ответ.

Вот, он показывает пальцем на группу мусульманских мужчин с глазами и прическами головорезов и женщин в черных платьях до пят и темных платках. Это новые беженцы. Из Сирии. Их теперь много тут разгуливает. Показывает и скорбно качает головой. Потом вздымает руки, в бессилии что-то изменить. Я

киваю и тоже качаю головой и вздымаю руки. Это значит «да, да, согласен, это второе после завоза сюда миллионов турок-гастарбайтеров самоубийство Германии, ничего не поделаешь, полезные идиоты, леваки, кретины, не жалеющие ни собственных детей, ни своей культуры».

Я показываю ему рукой на группку людей, тусующихся у местной забегаловки. Это опустившиеся алкоголики. Почти все – наши. Русские мужья «поволжских немков». Качаю головой. Это значит – «эти не лучше». Он кивает и опять вздымает руки, пожалуй еще безнадежнее, чем в первый раз – «мы от этого уезжали... и вот опять... та же советская пьяная мразь».

Показывает рукой на отдаленное одноэтажное здание. Это то ли клуб, то ли кафе, то ли качалка... Там собираются вечерами марцанские неонацисты. Я смотрю туда и вновь вздымаю руки – «это вообще ни в какие ворота не лезет... их все больше и больше». Провожу большим пальцем по шее – «эти всех нас поубивают, когда нынешняя власть все угробит». Он кивает и показывает еще раз на сирийских женщин – «или они или дети этих мусульманок». Я энергично киваю в ответ. Подношу большой палец ко рту и делаю блаженную мину – «пошел пить кофе со сливками».

Он кивает и горько разводит руки – «а я давно пью только воду... вонючую берлинскую воду из под крана».

...

Так я общался с моим беззвучным собеседником до самой осени. А потом, то ли он перестал открывать окно... холодно стало... то ли переехал.

Я и позабыл о нем.

А затем... Разговорился я как-то с знакомой продавщицей в русском магазине. Под Рождество. Как ее зовут? Любочка... Людмила... Липа... Не помню. Толстомясая такая, грудастая, руки сальные, и обсчитать может безбожно, но добрая. Хоть и крымнашка.

Говорит мне эта самая Люба-Липа: А вы слышали, что у нас тут за несчастье-окаянство приключилось? В октябре что ли...

– Какое такое несчастье-окаянство в октябре?

– А с одним евреем случилось. На вас похож. Я, как узнала, подумала с вами, да... Испугалась я. Нехорошо такого покупателя терять. С вами хоть поговорить

можно по душам. А то тут такие ходят... Ублюдки паршивые. Берлин вроде, а народ, как в Челябинске.

– Не томите, говорите, что произошло.

– Точно не знаю я. Никто не знает. Но бабы говорят, смертоубийство вышло.

Убила еврея одна румынка!

– Что за румынка?

– А бездомная, нищая, что тут летом таскалася. Видели вы ее. Ее все мужики замечают, потому что она не такая.

– Не какая?

– Ну необыкновенная. Ведьма она. Любого мужика разожжет. У них, у цыган, в крови огонек особый! Глазами сверк-сверк... и ваш брат на коленях.

– Да ну?

– Бабы говорят, он ее увидел и пожалел. А может и приворожила старого пердуна, на лавочке разлеглась... Ой, простите. Это я не про вас. В квартиру ее к себе взял. Отмыл, да накормил. Вдовец, бабы наверное десять лет не видел. Он тут бывал, покупал пельмени с индюшкой. Аккуратный такой. Гречку еще брал и конфеты «Птичье молоко». Ну вроде вас. Только говорил мало. Рот ему скривило, удар наверное был. Ну, она его зажгла и он с ней того... женихался-кувыркался... уж как мог. А она под утро, как он заснул, горло ему перерезала бритвой, а может и перегрызла, сука! И всю кровь из него выпила, дракула окаянная... Квартиру ему изгадила... на стене гадость какую-то нарисовала... вроде сороконожки или муравья... кучки везде наложила как лисица... и бежать. Даже дверь за собой не захлопнула. Соседи через день зашли и посмотрели. Старый еврей мертвый лежит, голый и страшный. Серый, без кровинки. А на стене сороконожка... Да, полиция румынку эту вроде заарестовала. Судить будут. А еврея на еврейском кладбище похоронили. На Вайсензее. Тама кладбище огромное, все надгробья – мрамора-граниты, тока туда никто не ходит. Некому.

Я, разумеется, не поверил ни одному ее слову.